

Пустота

Пусто так... на земле так пусто,
Это ноябрь идёт прокрустом,
Всё, что за рамки—ровняет, кромсает,
И остаётся земля пустая.
Голые ветки, и голое небо,
Станешь как все и повесят лейбл,
Станешь как все, так, должно быть, легче,
От пустоты укрыться нечем.
Фиговый лист прикрывает фигово,
От пустоты не спасает слово.
Будешь как все—вычислен, измерен,
Вить в пустоту одиноким зверем.
Копяют на небе тонны крупной соли,
Хмурый ноябрь пустотою болен,
Круто посолит земли горбушку,
А ты присядь, пустоту послушай.
И загудит в ней органом ветер,
А пустота мир в ладонях вертит.
И у неё нет конца-начала,
Сделаешь шаг—на пути встречает.
Переживи эти дни пустые,
Верю в то, что не всё остынет.
Яблоки все и шары золотые...
Всё пережив, это будешь ты ли?

Лист

и я планирую как лист
меж небом и землёй,
осенний воздух густ и мглист,
и пахнет день золой
костров, в которых листья жгут,
а завтра будет дождь,
и я шепчу—ты тоже, брут?—
ну правильно, ну что ж.
ведь нужно зиму пережить
умевшему предать,
я опускаюсь на ножи
без всякого вреда.
тебе же помнить как в крови
окрасилась листва,
и я шепчу ещё—живи,
свой каждый день за два.

Жара

Июль выжигает калёным железом боль,
Жара милосердна—другого уже не чувствуешь.
Аральского моря сухая, горячая соль
Во мне, там где волны больше не борются с пустошью.

Такая жара—виноград превратился в изюм,
Дозреть не успев на лозах поникших, высохших,
И если ты пешка, не станешь под стать ферзью,
И никуда из себя никогда не выбежать.

Напрасно пытаться себя по буквам собрать,
Во всех именах, как правило, что-то не сходится.
Я б это не выдержал, если бы не жара,
Белёсое небо, сухая трава, безводица.

Дно

ну как же пусто в этом сентябре,
как будто крошки со стола смахнули,
и день плывёт какой-то рыбой снулой,
от ноты «до» томительно до «ре».

и сетью повисает тишина,
в воде стоячей не поймать ни звука
и остаётся только эта мука—
потеря слуха и потеря дна.

и тонешь в этой медленной воде,
и нету дна, чтоб оттолкнуться, выплыть,
не позовёшь на помощь—голос сиплый,
и даже берег непонятно где.

и непонятно что и почему,
сентябрьское солнце слабо греет,
и толщей водяною свет рассеян,
но горе раздавалось по уму.

поэтому ещё надежда есть
на радость в колпаке шута дурачком—
дойти до дна и после вверх подняться,
и воздуха глотнуть густую смесь

из трав осенних и последних роз,
из аромата яблок поздних, терпких,
пока ещё тебя на небе терпят,
то значит ты до смерти не дорос.

Молочное

Ты говоришь: «Дышите»,—и я дышу.
А за окном молочный туман и жуть.
На расстоянии вытянутой руки
На город движутся вражеские полки.

Ты говоришь и уходишь в столичный гул,
Знаешь, что никуда я не убегу.
Белым мерцает напротив квадрат окна,
Время моё застыло там, где война.

Небо грудным стекает молоком
На крыши серые, в каждый сырой окоп...
А по писанию, помнится, было «брат»—
В город нацелили жерла своих гармат.

И по развалинам выстрелы в молоко,
Призраки зданий возносятся вверх легко.
Город расстрелянный, город степной мираж,
За память млечную призванный умирать.

Все мы трёхсотые, дышащие пока.
Я как единственный выживший из полка.
Души погибших шепчут мне: «Не забудь»,—
Звёздами светлыми примет их млечный путь.

Время измерено треском сухим ак
Мне остаётся белый квадрат окна.
Реки молочные с детства впадают в Дон,
Сердце моё бьётся в твою ладонь.

Просто свет

Что мне сказать тебе, если ты просто свет.
Смотришь—темно, а вон там огонёк горит,
Это такая работа у Маргарит—
Быть просто светом, когда в мире света нет.

Что мне сказать тебе—осень не приговор,
Даже, когда облетает последний лист,
Станет просторней—увидишь ясней Фавор,
И как особенно стал каждый день лучист.

Что мне сказать тебе: воздухом между строк,
Графикой веток, каплями на стекле...
Тот, кто нас выдумал, с нами не очень строг,
Знаешь, бывает жизнь в сотни раз тусклей.

Что мне сказать, в этом мире без Маргарит
Нет ни романов, ни писем, ни мастеров,
Звёздное небо, что есть у меня внутри—
То отражение жарких твоих костров.

Что мне сказать, если слов-то таких и нет,
Только когда уже нету ни слов, ни сил
Нужно, чтоб в мороке, мраке, беде, войне,
Твой огонёк для тебя через ночь светил.

Московское

*«Укого под перчаткой не хватит тепла,
чтоб объехать всю курву-Москву»*

«На Красной площади всего круглей земля».
О.Э. Мандельштам

Трамвайной вишенкой и костью в колесе,
Ты приобщаешься, и ты живёшь как все,
И на крови твоей всемирная история.

Пальмиры арка на учебнике твоём,
Снаряд тяжёлый, разрушающий твой дом.
И как мы жили до войны, о чём мы спорили?

И в этом городе, неверящем слезам,
Чьё время кончилось, кому сказать «слезай»?
И будет очень тяжкой поступь командорова...

Как много в звуке... но надежды больше нет,
Её снарядом разорвало на войне,
А так, конечно, начиналось даже здорово.

На красной площади круглей всё и круглей,
Руин всё больше в остывающей золе,
И центр мира где-то к Горловке смещается.

Смерть на миру, онлайн, краснеет монитор,
Уже шагнул (зачем позвали?) командор...
Давай на выход соберись уже с вещами сам.

Объедешь курву? Если есть ещё тепло.
Пока ты дышишь, значит снова повезло.
Бывало тоже страшно, но подлей бывало ли?

Уж полночь близится... и донна Анна ждёт,
Пусть только это ожидание спасёт,
Ещё спасёт, пока возможно, хоть бы малое.

Да что ж такое, слышишь, страшная пора
Никак отсюда не уходит со двора,
И каждому свой век, свой волкодав, достанется.

Кому кровавый, ну а прочим—покемон,
И можно долго ждать, что всё пройдёт само,
Но этот век (кому какой) ещё до ста нести...

Тебя опять спасёт неспящий у окна,
Степь, от воронок круглых, сверху как луна,
А если ближе, то вся чёрная от копоты.

Москва, Москва, несчастный воробей,
Она не верит, ну а ты её жальей...
И сходит небо, постигаемое опытом.